

Глава 24: Цин-эр, сестрёнка, беги быстрее!

.

Маленький храм.

Одинокий мужчина. Одинокая девушка.

Казалось бы, ситуация не из лучших.

Но, к счастью, этот мужчина, назвавшийся Е Даньфэном, выглядел вполне порядочным человеком.

После короткого представления он не сказал больше ни слова, просто сел по-турецки, положил меч на колени и закрыл глаза, погружаясь в медитацию.

Е Цин несколько минут внимательно наблюдала за ним, не до конца доверяя.

Но усталость взяла свое.

Она свернулась клубком на куче соломы, собираясь лишь ненадолго прикрыть глаза, но неожиданно для себя провалилась в глубокий сон.

– Девушка! Девушка!

В полудреме она слышала, как кто-то зовет ее.

Приоткрыв глаза, увидела перед собой Е Даньфэна.

– Что случилось? – спросила она, поспешно садясь.

– Уже рассвело.

– О? Спасибо!

Она быстро посмотрела в сторону двери.

Действительно.

Снаружи уже стоял ясный день.

«Неужели он разбудил меня просто так...?»

«Наверное, решил, что если я останусь в храме беззащитной, может случиться что-то плохое».

– Не стоит благодарности. Я ухожу.

Е Даньфэн поднялся на ноги.

– Если судьба позволит, увидимся снова.

Не дожидаясь ответа, он распахнул двери храма и исчез за порогом.

Проводив его взглядом, Е Цин зевнула, потянулась и потерла уголки глаз.

«Ну вот, еще одна ночь позади. Цела и невредима».

Но долго отдыхать было нельзя.

Дел предостаточно.

Первым делом нужно переодеться.

Эта одежда совершенно не подходила для путешествий.

Выйдя из храма, она заметила вдали несколько деревенских домов.

Подойдя ближе, нашла нужный дом и предложила хозяйке золотую пластинку в обмен на несколько комплектов простой мужской одежды.

А заодно попросила комнату, чтобы переодеться.

Честно говоря, за эту золотую пластинку в городе можно было бы купить целую гору одежды — да ещё и шелковой, да ещё и с запасом! Но после событий прошлой ночи Е Цин не могла быть уверена, не разыскивают ли её власти. Так что появляться в городе в своём нынешнем облике было слишком рискованно.

Она переоделась, убрала волосы и заплела их так, чтобы выглядеть как мужчина.

Единственная проблема — грудь. Пришлось снова просить у хозяев дома ещё кусок ткани. Это была, пожалуй, лучшая льняная ткань в их доме, но по сравнению с золотой пластинкой её ценность была ничтожна.

Она плотно перевязала грудь, спрятав выступающие формы.

Перед выходом Е Цин заметила у хозяина дома старую, изношенную шляпу и попросила её. Надев её на голову, она пошла в кухню, смешала золу из печи с грязью и размазала по лицу, шее и открытым участкам кожи, придавая себе землистый, тёмный оттенок.

После всех этих приготовлений она, наконец, отправилась в путь. Но, дойдя до пределов города, она с удивлением обнаружила, что в городе царит спокойствие. Не было никаких патрулей, не слышно было тревожных криков — как будто её вовсе не искали.

Неужели они думают, что я не вернусь?

Хотя сомнения не покидали её, отсутствие оцепления означало, что можно было спокойно затеряться в толпе. Так она и сделала — смешалась с прохожими и вошла в город.

Но едва переступив через ворота, она заметила людей, столпившихся вокруг стенда с объявлениями. Люди возбуждённо перешёптывались, указывая пальцами на что-то.

Е Цин подошла поближе, бросила взгляд и тут же похолодела: на доске висел нарисованный портрет девушки в её прежнем облике. Над изображением крупными иероглифами значилось:

"РАЗЫСКИВАЕТСЯ!"

В беглом описании говорилось, что она подозревается в убийстве и нападении, а за любую информацию о её местонахождении назначена награда — целых десять лянов серебра!

Е Цин вздрогнула.

Значит, власти всё-таки ищут меня!

Теперь сомнений не оставалось: Чанъян стал для неё опасным местом. О её женском облике знали двое: Е Даньфэн, с которым она провела ночь в заброшенном храме, и семья фермеров, у которых она обменяла золотой лист на одежду.

Е Даньфэн выглядел человеком порядочным и едва ли стал бы выдавать её за десять лянов... а вот фермеры — совсем другой вопрос.

Если фермер действительно донесёт на неё, то, стоит властям объявить тревогу, она окажется в ловушке, словно рыба в бочке! Нужно как можно быстрее выяснить, что с Юй-эр и остальными, а затем немедленно покинуть город.

Времени было в обрез. Сейчас не стоило экономить серебро. Она прямо на улице остановила проезжавшую мимо повозку и велела кучеру везти её напрямиком к павильону Красный Нефрит.

Однако Е Цин не стала выходить у самых дверей. Завидев здание издалека, она заблаговременно соскочила с повозки, заплатила кучеру и лишь, потом медленно направилась к нему.

На первый взгляд, вокруг павильона Красный Нефрит не было ничего необычного. Но это само по себе казалось подозрительным.

Поколебавшись немного, она всё же решилась. Глубоко вздохнув, она обошла здание и зашла в узкий переулок за ним.

За этим переулком находилась та самая дровяная кладовая, где её когда-то держали запертой. А на втором этаже располагались комнаты, где танцовщицы отдыхали и гримировались. В первой половине дня и после обеда они приходили сюда, чтобы подкраситься и передохнуть между выступлениями, а ночью спали в другом месте.

Поэтому из переулка можно было увидеть девушек.

Обычно окна на втором этаже были закрыты. Их открывали лишь время от времени для проветривания, но, как правило, в такие моменты танцовщиц там не было.

Е Цин провела в павильоне Красный Нефрит несколько месяцев и теперь знала, что, если ничего экстраординарного не произошло, девушки сейчас должны быть в главном зале и репетировать.

Она осторожно заглянула в переулок и заметила, что одно из окон на втором этаже было распахнуто.

Значит, комната пуста.

Тревога закралась ей в душу. Она не могла быть уверена, что тот фермер не решит выдать её ради десяти лянов серебра. Да, она оставила им золотой лист, но разве человеческая жадность знает границы?

Достаточно лишь намекнуть властям, и десять лянов серебра окажутся у него в кармане. Кто бы отказался от такой награды?

Но сейчас беспокоиться было бесполезно. Танцовщицы не вернутся раньше времени, а ей нельзя было оставаться в безлюдном переулке слишком долго. Если кто-нибудь её заметит, это может оказаться ещё опаснее.

Она поспешно вышла из переулка и, увидев напротив небольшую забегаловку, сразу же направилась туда.

– Гость, что будете заказывать? – услужливо окликнул её молодой слуга, завидев посетителя.

– Принесите мне миску лапши, – тихо сказала она, опустив голову и выбрав свободный столик.

– Хорошо! Одна лапша! – громко выкрикнул слуга.

Вскоре перед ней поставили дымящуюся миску. Есть не хотелось, но сидеть просто так было бы подозрительно, поэтому она неспешно принялась за еду, нарочно растягивая время.

Как и следовало ожидать, в этом времени еда была сытной: миска лапши оказалась достаточно большой. Она с трудом осилила только половину, но этого хватило, чтобы почувствовать сытость. Оценив, что время уже поджидает, она вытащила золотой лист, положила его рядом с миской и бросила слуге:

– Деньги здесь!

После чего поспешно покинула заведение.

Сердце сжималось при мысли о том, что у неё не осталось ни мелких монет, ни серебра. И за повозку, и за эту еду пришлось расплачиваться золотыми листьями. Как же это было досадно!

Но что поделаешь? Идти в серебряную лавку разменивать золото она не решалась. Лучше уж потерять немного денег, чем привлекать к себе ненужное внимание.

Тем временем, когда слуга убирал со стола, он заметил оставленный золотой лист. Он на мгновение застыл, ошарашенно огляделся по сторонам, но, не сказав ни слова, быстро спрятал находку и с миской недоеденной лапши исчез в подсобке.

А Е Цин уже вернулась в переулок. Только она вошла, как заметила, что на втором этаже павильона Красный Нефрит одна из танцовщиц, Синь-эр, закрывает окно.

Она поспешила вперёд, наклонилась, схватила с земли камешек и метнула его в окно.

Раздался глухой стук. Камень точно ударился в оконную раму.

Синь-эр вздрогнула, замерла, затем осторожно выглянула наружу. Внизу, в переулке, кто-то отчаянно махал ей рукой.

Она нахмурилась: сперва не узнала Е Цин. Девушка внизу продолжала размахивать руками, даже начала подпрыгивать, напоминая безумца.

Синь-эр скептически покачала головой, решив, что перед ней какой-то сумасшедший, и уже собиралась захлопнуть окно.

В этот момент Е Цин в переулке не на шутку встревожилась...

Эта Синь-эр что, совсем с ума сошла? Как можно быть такой глупой и не узнавать её?

Хотя... стоило и самой задуматься: во что она сейчас одета? Поношенный мужской наряд, на голове шляпа, а лицо вымазано смесью сажи и грязи — её облик полностью изменился. Неудивительно, что Синь-эр её не узнала.

Окно вот-вот закроется!

И тут Е Цин наконец вспомнила, что у неё есть вещь, способная доказать её личность. Она в спешке порылась в своём мешке и вытащила из него изящный фальшивый бюстгальтер, после чего принялась размахивать им изо всех сил.

Синь-эр, уже готовая закрыть окно, случайно бросила взгляд вниз. И тут же застыла, широко распахнув глаза от удивления. Её маленький рот сложился в изумлённое «О».

Очевидно, теперь она поняла, кто стоит в переулке.

В комнате царила гнетущая тишина.

Раньше, когда у танцовщиц выпадала свободная минутка, они всегда болтали без умолку, наполняя зал звонким смехом. Но теперь никто не произнёс ни слова. Каждая сидела на своём месте, погружённая в тяжёлые раздумья.

А Юй-эр и вовсе не сомкнула глаз за всю ночь. Её душу терзал только один вопрос: удалось ли Е Цин спастись после падения в воду?

Что же касается смерти мама Лю, то да, они, конечно, чувствовали некоторую печаль. Но когда правда вышла наружу, эта печаль уступила место ярости.

Все в Красном Нефрите знали, что мама Лю терпеть не могла Цин-эр. Их вражда была ни для кого не секретом.

Когда во время тренировок мама Лю била её чуть сильнее, чем следовало, это ещё можно было понять — боль хоть и неприятна, но в каком-то смысле дисциплинирует.

Но теперь она зашла слишком далеко. Она взяла деньги и, никого не предупредив, заставила Цин-эр обслуживать какого-то постороннего мужчину!

Это было равносильно тому, чтобы сделать её обычной проституткой!

В древние времена честь девушки ценилась превыше всего.

Так что неудивительно, что Цин-эр тогда сорвалась, избив того господина, а затем убила мама Лю.

Можно представить, каким гневом она пылала, когда узнала правду. Наверняка её трясло от ярости, а зубы сжимались так, что вот-вот могли сломаться...

Это лишь благодаря тому, что у Цин-эр есть боевые навыки, она сумела выбраться из той передраги. Будь на её месте любая другая танцовщица — у которой нет даже малейших умений в бою — ей бы не осталось ничего другого, кроме как наложить на себя руки...

– Эх... – Юй-эр глубоко вздохнула, не в силах остановить этот поток тревожных мыслей.

В этот момент Синь-эр, наконец, осознала, кого она видит. Её эмоции взметнулись так высоко, что она едва могла говорить. Развернувшись, она закричала:

– Скорее! Сестра Юй-эр, скорей смотри!

– Что случилось, Синь-эр? – Юй-эр очнулась от своих дум. Увидев, как Синь-эр буквально светится от волнения, она удивлённо нахмурилась.

– Цин-эр! Это Цин-эр! – Синь-эр с радостным визгом распахнула окно.

– Что?!

При этих словах танцовщицы тут же бросились к окну. С высокого этажа они могли разглядеть переулочек — и там, внизу, стояла Е Цин.

Пусть её нынешний облик и был до ужаса несуразен, но в руках она держала вещь, которую

они ни с чем бы не спутали — изящный расшитый бюстгальтер.

В иной ситуации они, возможно, смутились бы: девушке размахивать таким предметом перед всеми — это же какой стыд!

Но сейчас никому не было дела до приличий.

– Жива! Цин-эр жива!

– О, боже, это просто чудо!

– Она жива!

– Я так и знала! Я знала, что с Цин-эр ничего не случится!

Девушки с визгами бросились друг другу в объятия, плача от радости и прыгая на месте.

В это время мимо комнаты случайно проходил управляющий Чжан. Услышав шум и смех, раздающиеся изнутри, он резко остановился и недовольно нахмурился...

Он до сих пор был раздражён из-за того, что произошло прошлой ночью. Мама Лю мертва — ему, конечно, немного жаль её, но ведь она осмелилась за его спиной взять деньги и отправить танцовщицу на утеху какому-то человеку. Даже если бы той ночью она не погибла, он всё равно бы её наказал.

Так что её смерть его особо не волновала.

Куда больше его беспокоил господин Чжу, которого тогда избил. Это не простой человек. Из-за случившегося доходы павильона Красный Нефрит наверняка просядут, а кто знает, какие ещё неприятности могут последовать за этим...

Как тут не злиться?

И вот, как назло, из комнаты танцовщиц донёсся невыносимый шум. Раздражение управляющего Чжана вспыхнуло с новой силой, он уже занёс руку, чтобы постучать и отчитать этих девушек... но вдруг уловил одно имя в их криках:

– Цин-эр!

Он тут же всё понял. Та, что бросилась в реку, Е Цин, оказалась жива? Она вернулась?!

– Ну и наглость! – лицо управляющего Чжана исказилось от ярости. – Я ещё не начал тебя искать, а ты сама заявила мне в руки?!

Раньше он строго соблюдал приличия и никогда не заходил в комнаты, где жили танцовщицы. Но сейчас ему было всё равно.

С силой размахнувшись, он с ноги вышиб дверь.

Грохот был таким громким, что девушки вздрогнули и в ужасе обернулись. Завидев управляющего Чжана, чьё лицо было перекошено от гнева, они тут же заволновались и закричали:

– Цин-эр! Беги!

– Скорее, убегай!

– Управляющий Чжан здесь!

В переулке Е Цин почувствовала, как сердце ухнуло вниз. Она даже не успела обернуться, как в окне появился управляющий Чжан, глядящий на неё с убийственным выражением лица...

Чёрт! Всё пропало!

В ужасе Е Цин развернулась и бросилась бежать.

Управляющий Чжан не сказал ни слова. Он молча перемахнул через подоконник, оттолкнулся от стены и плавно приземлился на землю, мгновенно устремившись в погоню.

– Беги, Цин-эр!

– Беги скорее!

Танцовщицы, собравшиеся на втором этаже, едва не сходили с ума от волнения. Они громко кричали, пока даже силуэт управляющего Чжана не исчез из виду. Лишь тогда в комнате воцарилась тишина. Девушки переглянулись, и на их лицах появилось выражение тревоги и раскаяния.

– Это мы... Мы слишком шумели, вот и привлекли его внимание!

– Что же теперь делать?! Только бы Цин-эр не попалась!

– Управляющий Чжан слишком силён! Цин-эр ни за что не одолеет его в бою... Да и убежать вряд ли успеет...

– Боже! Что же будет?!

– Если её поймают... ей конец!

Все знали: Е Цин не только избивала знатного господина, но и убила человека. Если её вернут обратно — это уже не просто порка плетью. Её ждёт суд, и едва ли она сможет избежать наказания.

Танцовщицы кусали губы и терзались отчаянием, виня себя за то, что выдали её своим шумом.

– Не беспокойтесь! – внезапно произнесла Юй-эр. Она была встревожена не меньше остальных, но, сжав кулаки, старалась говорить уверенно. – Цин-эр обязательно сбежит!

<http://bllate.org/book/16041/1431365>